

RU

Германо-славянские лексические параллели das Eichhörnchen «белка» – «веверица»: этимология, диахрония, современное состояние

Шешкина Т. Ф., Тягунова Ж. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление общих фонетико-морфологических и семантических характеристик германо-славянских лексических параллелей das Eichhörnchen «белка» – «веверица» с опорой на реконструкцию их диахронических векторов развития от единого индоевропейского архетипа. Особое внимание уделяется семантическим трансформациям исследуемых коррелятов как значимому фактору предъявленной языковой реконструкции. Основной фокус – определение в структуре и функционировании исследуемых коррелятов сходств, различий и их возможных детерминантов (фонетических законов, типологических особенностей морфологии, культурных контекстов употребления). Научная новизна исследования состоит в обращении к комплексному подходу при диахроническом сопоставлении лексических единиц дальнеродственных языков с интеграцией данных ономастики, диалектологии, фразеологии, исторических фонетики и грамматики. Избранная тактика привлечения широкого спектра лингвистических знаний для интерпретации фоно-морфологических закономерностей позволила произвести инвентаризацию новых и утраченных языковых характеристик в сравниваемых германской и славянской лексических системах в аспекте конкретизации научных сведений, которыми располагает компаративистика на современном этапе развития. Результаты анализа демонстрируют, как из единого индоевропейского источника в германской и славянской традициях сформировались лексические параллели, а также какое место они занимают в лингвострановедческой концепции этносов-носителей сравниваемых языков. Было установлено, что исследуемые корреляты демонстрируют конвергентное сохранение праиндоевропейского радикального ядра при дивергентной фонетико-морфологической эволюции.

EN

Germanic-Slavic lexical parallels “das Eichhörnchen” (squirrel)- “веверица” (squirrel): etymology, diachrony, and current state

T. F. Sheshkina, Z. A. Tyagunova

Abstract. The research aims to identify the general phonetic-morphological and semantic characteristics of the Germanic-Slavic lexical parallels “das Eichhörnchen” (squirrel) and “веверица” (squirrel), based on the reconstruction of their diachronic developmental vectors from a single Indo-European archetype. Special attention is paid to the semantic transformations of the studied correlates as a significant factor in the presented linguistic reconstruction. The primary focus is to define the similarities, differences, and potential determinants (phonetic laws, morphological typological features, and cultural contexts of usage) within the structure and functioning of these correlates. The scientific novelty of the study lies in the application of a comprehensive approach to the diachronic comparison of lexical units in distantly related languages, integrating data from onomastics, dialectology, phraseology, historical phonetics, and grammar. The chosen strategy of utilizing a broad spectrum of linguistic knowledge to interpret phonomorphological patterns allowed for an inventory of both new and lost linguistic characteristics in the compared Germanic and Slavic lexical systems, thereby refining the scientific data available to contemporary comparative linguistics. The analysis results demonstrate how these lexical parallels evolved from a single Indo-European source in the Germanic and Slavic traditions and clarify their position within the linguocultural concepts of the respective ethnic groups. It was established that the studied correlates exhibit convergent preservation of the Proto-Indo-European root core despite divergent phonetic-morphological evolution.

Введение

Языковедческий научный континуум на протяжении долгого времени фокусирует свое внимание на проблеме генезиса и эволюции языка, механизмах его многоуровневых трансформаций. Упорядочивание словарного состава языков по критериям принадлежности к определенным семантическим полям и хронологическим пластам, установление происхождения лексических единиц вплоть до их гипотетического общего предка путем реконструкции праформ позволяют определить степень глубины взаимодействия народов, реконструировать культурно-исторические процессы, возможно не отображенные в письменных источниках, но зафиксированные как в их лингвистической, так и в материальной культуре и, таким образом, представляющие многомерную картину этногенеза и культурной эволюции. Вышесказанное составляет актуальность нашего исследования германо-славянских лексических параллелей *das Eichhörnchen* «белка» – *веверица*.

В рамках исследования нами были поставлены и последовательно решены следующие задачи:

- 1) сформирована репрезентативная пара германо-славянских лексических параллелей на основе этимологических лексикографических источников;
- 2) установлен уровень языковой иерархии (прагерманский, праславянский, праиндоевропейский), на котором фиксируется общий радикал для исследуемых коррелятов;
- 3) охарактеризованы системные сходства и различия в фонетическом и морфологическом оформлении лексических параллелей;
- 4) выявлен семантический охват каждого из рассматриваемых коррелятов, отражающий его адаптацию к культурно-языковым контекстам в ракурсе диахронии;
- 5) привлечены данные германской и славянской ономастики, а также фразеологии, уточняющие глубину диахронических связей между отобранными германскими и славянскими лексемами;
- 6) систематизированы результаты проведенного исследования.

В ходе аналитической работы для реконструкции общего индоевропейского архетипа и векторов его развития нами применялся сравнительно-исторический метод; элементы фономорфологического анализа позволили сопоставить звуковые оболочки и морфологические модели исследуемых лексических параллелей. Также для трассировки смысловых сдвигов мы реализовали приемы семантической реконструкции, а для проверки гипотез на материале устойчивых сочетаний с исследуемыми лексемами – метод фразеологического анализа. Для определения предмета нашего исследования был использован прием сплошной выборки и метод обобщения – для классификации полученных результатов.

В качестве материалов исследования выступили этимологические словари, толковые словари (для уточнения современного значения и употребления лексем), фразеологические словари (для анализа устойчивости и культурной специфики лексических параллелей), исторические и диалектные источники (для расширения хронологического и ареального охвата исследования).

Теоретической базой исследования послужили научные изыскания по сравнительно-историческому языкознанию П. Я. Черных (1993), раскрывающие фономорфологические диахронические изменения лексической системы русского языка; группы авторов (В. Браун, Г. Гиншель, Г. Хаген, А. Хубер, К. Мюллер, Х. Петерман, Г. Пфайфер, Д. Шрётер, У. Шрётер) Академии наук ГДР под руководством В. Пфайфера (*Etymologisches Wörterbuch...*, 1989), труды Ф. Клуге (Kluge, 2011), сфокусированные на исторической лексикологии и исторической грамматике немецкого языка; А. Вальде (Walde, 1938), посвященные определению праиндоевропейских архетипов и радикалов.

Представленная работа обладает определенной практической значимостью, поскольку позволяет расширить и углубить теоретическое понимание феномена языкового и неязыкового взаимодействия между германскими и славянскими языками, способствуя более глубокому осмыслению их исторической и культурной взаимосвязи, а также провести детальный анализ функционально-структурных характеристик лексических параллелей, что открывает новые перспективы для изучения их генезиса, эволюции и функционирования в различных языковых системах. Полученные результаты могут быть полезны для проведения дальнейших научных исследований в области компаративистики, направленных на углубленное изучение типологических и контактных явлений в языковой системе; разработки инновационных курсов и учебных материалов, предназначенных для изучения языков и культур, что способствует более эффективному межкультурному диалогу и взаимопониманию; оптимизации переводческой деятельности и межкультурной коммуникации, обеспечивая более точное и адекватное восприятие и передачу смысловых и стилистических особенностей текстов, созданных на разных языках.

Обсуждение и результаты

Интерес лингвистов к закономерностям развития языка, вектору его структурных трансформаций не утихает с тех пор, как язык стал предметом научных изысканий. Особое внимание исследователей к лексическому корпусу языка неслучайно. Слово, как результат культурно-исторического импринтинга, являет собой определенный артефакт, несущий на себе отпечаток эволюции взаимоотношений человека и окружающей его среды. Живая природа как важная и неотделимая часть жизни людей находит свое отражение во всех известных науке языках. Неслучайно семантической доминантой многих лексем, на первый взгляд не имеющих

никакого отношения к животному миру, является животное, птица, насекомое и т. д. Именно поэтому вопросы принципов зоонимической номинации в разных языках, особенно дальнеродственных, требуют от филологов комплексного подхода, не ограничивающегося исключительно лингвистическими рамками. В фокусе нашего исследования – германо-славянские лексические параллели *das Eichhörnchen* «белка» – *веверица*, чей анализ позволит нам проследить характер и глубину межъязыковых и межкультурных этнических контактов, а также уловить суть концептуальной мировоззренческой картины обозначенных народов.

Eichhörnchen, das – сущ., ср. р. «белка». Первые упоминания лексемы в германском языковом поле относятся к XI в.: др.-в.-н. *eihhurno*, *eihhorno*, ср.-в.-н. *eichorn*, *eichurne*, др.-сакс. *ekhörn*, ср.-н.-н. *ēkeren*, ср.-нидерл. *eencoren*, *eecoren*, др.-англ. *ācweorna*, *ācweru*, др.-сканд. *ikorni*, швед. *ekorre* (Kluge, 2011, S. 231; Etymologisches Wörterbuch..., 1989, S. 333). Вышеуказанные единицы восходят к германской основе **aikurna-/aikurnan-* ~ **ikurnan-* «белка» (Kluge, 2011, S. 231; Kroonen, 2013, p. 10). Дальнейшая реконструкция германской основы предполагает наличие простой редупликации – и.-е. **h₂éi-h₂u-r-* (**cer-*), которая при потере ларингалов дала импульс к появлению различных видов редупликации в дочерних языках (Kroonen, 2013, p. 11). Так, например, Ф. Клуге усматривает наличие общей скандинавской основы **woiwer-*, в которой, по принципу редупликации, свойственной обычно глаголам с усилительным значением, или по принципу образования вриддхи-производной от номинальной редупликации в первом слоге появляется *e* или *a*, а находящаяся в середине слова *w* → *k* (Kluge, 2011, S. 231): сканд. **woiwer-* > др.-швед. *ekorne* «белка». В контексте глубины этимологизации германских лексем интересна точка зрения В. Пфайфера и возглавляемого им коллектива лингвистов, реконструирующих германскую основу до уровня праиндоевропейского архетипа по двум векторам: праиндоевроп. **cer-cer-* «белка» > герм. **aikurna-* < праиндоевроп. **aig-* «двигаться, качаться» (при этом праиндоевроп. **aig-* > др.-слав. *игрь*, рус. *игра*) (Etymologisches Wörterbuch..., 1989, S. 333). О возможности такой реконструкции заявляет и Ю. Покорный (Pokorny, 1959-1969, Bd. 1, S. 13-14; Bd. 2, S. 1166). Очевидно, что второе направление этимологизации указывает на поведение, повадки животного, как на денотативный компонент номинации. Вызывает интерес и подход А. Вальде к этому вопросу. Лингвист также усматривает праиндоевроп. **cer-* > нем. *Eichhörnchen*, однако проводит семантическую параллель **cer-* – «изгиб», делая отсылку к форме хвоста животного (Walde, 1938, S. 808). Отметим, что этимологизацию до уровня праиндоевропейского радикала сомнительной считает Ф. Клуге, предлагающий остановить реконструкцию на уровне германской основы (Kluge, 2011, S. 231).

Возвращаясь к указанной выше редуплицированной праиндоевропейской основе, отметим ее родство и со славянским лексическим корпусом: рус. *веверица*, др.-рус. *вѣверица*, укр. *вивірка* «белка», блр. диал. *вевѣрыцы* «белка», болг. диал. *веверица* «белка», макед. *верверица* «белка», с.-хорв. *vjēveriца*, *jēverica* «белка», словен. *veverica*, *veverka* «белка», чеш. *veverka* «белка», польск. *wiewiórka* «белка», ст.-польск. *wiewierzysa* «шкурка белки», в.-луж. *wjewjerca* «белка», н.-луж. *njewjeric(ka)* «белка» (Фасмер, 1964, с. 282; Аникин, 2007, с. 158-159). Восхождение вышеперечисленных лексем к общей праславянской основе не подвергается сомнению в компаративистике: рус. *веверица* < др.-рус. *вѣверица* < праслав. **věver-ica*, **věver-ъka* (Фасмер, 1964, с. 282; Аникин, 2007, с. 158-159). Заметим, что, как и в германском языковом поле, реконструкция праслав. **věver-ica*, **věver-ъka* < праиндоевроп. **cer* предъявляет два вектора развития номинации: по внешнему облику животного (форме изогнутого хвоста) – праиндоевроп. **cer* «гнуть» (Фасмер, 1964, с. 282) и по манере его передвижения – праиндоевроп. **cer* «двигаться, качаться» (Rejzek, 2009, s. 709). При этом праслав. **věver-ica*, **věver-ъka* < праиндоевроп. **cer* не столь однозначно у славистов: В. Махек предполагает наличие некоего общего праевропейского субстрата в этой парадигме (Machek, 1968, s. 687). Также присутствует мнение о звукоподражательной природе славянского коррелята, что, по нашему мнению, весьма сомнительно: рус. *веверица* < др.-рус. *верещати* (Тележко, 2017, с. 36).

Обращаясь к семантике рус. *веверица* (сущ., ж. р.) можно отметить многозначность лексемы. Так, *въверица* – небольшой пушной зверек (белка, ласка, горностай): *Мужи старии ходили за югру и за самуюдь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ спаде туча и в тои възрастѣи и расходится по земли* (СлРЯ XI-XVII вв., 1975, с. 42). Также *въверица* – мелкая денежная единица: *оубо даѣти на днь •ѣ• въвериць оубогымъ, и ѡко начахъ даѣти абие стона [так!] възбранаше ми глѣ. во истину •е• та въвериць доволна соу(т) домови на снѣдно* (СлДРЯ XI-XIV вв., 1989, с. 287). Позднее лексема была вытеснена словом *векиша* (Кулешов, 2020, с. 340).

Обращаясь к первому значению русской лексемы, мы можем рассматривать ее как гипероним, служащий обозначением нескольких небольших пушных зверей. В свою очередь, нем. *Eichhörnchen* также проявляет подобные признаки: вторая часть слова употребляется в современном немецком языке для обозначения семейства грызунов – *Hörnchen* «беличьи».

Второе лексическое значение рус. *веверица*, по нашему мнению, имеет отношение к использованию меха пушных зверей в качестве определенного денежного эквивалента. Отметим, что одна древнерусская металлическая монета *куна* равнялась шести *веверицам* (Спаский, 1970, с. 39, 73) (также в обиходе было слово *векиша* в значениях «белка» и «мелкая денежная монета» (Фасмер, 1964, с. 287)). Полагаем, что данное значение имеет определенное отношение как к достаточно мелкому размеру животного, так и к небольшой (по сравнению с куницей, горностаем, соболем) ценности его меха. В таком случае речь может идти об общей семе «маленький, небольшой» для исследуемых коррелятов *Eichhörnchen* – *веверица* (немецкая лексема является деминутивным аффиксальным образованием по своей морфологической характеристике, однако это значение было со временем нейтрализовано (Ефимова, 2006, с. 49)). Отметим, что в этом контексте присутствует и альтернативный, по нашему мнению – маловероятный, способ реконструкции, согласно которому рус. *веверица* образовано от арабских слов *баа* «возвращаться» и *раца* «быть в обращении» (Цыбденова, 2020, с. 385)

В современном русском языке *веверица* является устаревшим словом, которое начиная с XIV в. было вытеснено лексемой *белка*, присутствующей лишь в русском языке (< др.-рус. *бѣла* (Фасмер, 1964, с. 148)). Существует весьма распространенное мнение о возможном семантическом сдвиге *въверица* → *бѣла въверица* → *бѣлка* (Черных, 1993, с. 83; Этимологический словарь..., 1965, с. 86). При этом четкое понимание связи белого цвета с белкой на сегодняшний день отсутствует (возможно, речь идет о некогда существовавшем виде белых белок? о зимних, белых шкурках белок? (Соколова, 2023, с. 18)).

Во фразеологическом корпусе нем. *Eichhörnchen* предъявляет весьма узкую реализацию:

(1) *mühsam baut sich das Eichhörnchen sein Nest* (дословно: белка с трудом зарабатывает себе на жизнь) / *mühsam ernährt sich das Eichhörnchen* (дословно: белка с трудом зарабатывает себе на жизнь). / «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» (Девкин, 1994, с. 184; Etymologisches Wörterbuch..., 1989, S. 333);

(2) *Er hat ein Eichhörnchen geschnupft* (дословно: он понюхал (втянул в себя носом) белку). / «У него пушистые усы» (Большой немецко-русский словарь, 1969, с. 509);

(3) *scheu wie ein Eichhörnchen* / «робкий как белка» (Иванченко, 2023, с. 1803);

(4) *Der Teufel ist ein Eichhörnchen* (дословно: дьявол – это белка). / «Дьявол в мелочах» (Musayeva, 2024, p. 159).

В первой паремии основой служит оппозиция *легкий* – *тяжелый*, усиливающая указание о необходимости кропотливой и часто тяжелой работы для получения желаемого результата; второй фразеологизм опирается на зооморфную метафору; третий пример, с отсылкой к повадкам белки, придает обозначаемым чертам характера человека более наглядный и экспрессивный характер; четвертая пословица, с одной стороны, экспонирует зооморфизм, с другой – может иметь определенную близость к германскому эпосу: белка Рататоск снует по мировому древу Иггдрасиль, передавая бранные слова и сея раздор (одна из характеристик представителей темных сил) (Lindow, 2002, p. 259). Также в дискурсе современных немецкоязычных спортивных СМИ сравнение атлетов с белкой подчеркивает их проворность и скорость (Брунова, Каранкевич, 2017, с. 88). Известно и словосочетание *Aktion Eichhörnchen* «операция Белка» – правительственная инициатива в Федеративной Республике Германия в начале 1960-х годов, направленная на призыв к созданию запасов предметов первой необходимости в личных домохозяйствах.

В качестве составных частей композитов *Eichhörnchen* также выступает в единичных примерах, основанных на внешнем виде / повадках белки: *Eichhörnchen-Laubfrosch* «беличья квакша» (Ананьева, Боркин, Даревский и др., 1988, с. 60). Вызывает интерес и регионимический контекст реализации основы исследуемой лексемы: *Eichkatze* «белка», *Oachkatzlschwoaf* беличий хвостик (баварск., австр.) – слово, которое баварцы и австрийцы любят в шутку использовать, чтобы подвергнуть иностранцев проверке знания основ языка.

Ввиду принадлежности рус. *веверица* к пласту устаревшей лексики, обнаружить реализацию языковой единицы в поле фразеологии и ономастики не удалось.

Заключение

В рамках проведенного исследования мы пришли к выводам, основанным на выявленных как общих, так и уникальных характеристиках германо-славянских лексических параллелей *das Eichhörnchen* «белка» – *веверица* с точки зрения различных лингвистических индикаторов.

Оба коррелята, по доминирующей в современной компаративистике гипотезе, восходят к общему праиндоевропейскому архетипу, предъявляя сходство в ракурсе радикальной редупликации. При этом в славистике существует мнение о наличии звукоподражательной этимологии исследуемого русского слова. Вектор денотативной номинации по повадкам и экстерьеру животного характерен как для германского, так и для славянского лексического корпусов, что свидетельствует об определенной близости социально-культурных концептосфер германского и славянского этносов.

Развиваясь от общей основы, *das Eichhörnchen* «белка» – *веверица* демонстрируют помимо общих частеречных свойств несхожесть в области морфологической структуры, а именно принадлежность немецкой лексемы к деминутивным аффиксальным образованиям. Полагаем, что результатом этого может считаться отнесение немецкого зоонима к среднему роду.

В ходе проведенного исследования авторами выявлена общая сема для исследуемых лексических параллелей «маленький». Если в немецком языковом поле она выражается с помощью морфологических деминутивных атрибутов, то в русском языке задействован лишь семантический уровень: *мелкий* зверек, *мелкая* монета. При этом семантические поля обеих лексем демонстрируют признаки свойств гиперонимов.

При сопоставлении функционально-темпоральных и функционально-частотных компонентов рассматриваемых коррелятов обнаруживаются существенные различия: принадлежность рус. *веверица* к устаревшей лексической страте существенно ограничивает ее употребление во фразеологических конструкциях и ономастических контекстах.

Перспективы дальнейшего исследования лексических параллелей в дальнеродственных языках включают в себя увеличение объема эмпирических данных за счет включения материала из других германских и славянских языковых ареалов, что позволит подтвердить существующие гипотезы и разработать новые модели диахронического развития. Также приложение результатов сопоставительного анализа к другим ветвям индоевропейской семьи поможет выявить универсальные и специфические тенденции в эволюционных лексико-семантических процессах языковых систем.

Условные сокращения

Блр. – белорусский; болг. – болгарский; в.-луж. – верхнелужицкий; др.-англ. – древнеанглийский; др.-в.-н. – древневерхненемецкий; др.-рус. – древнерусский; др.-сакс. – древнесаксонский; др.-сканд. – древнескандинавский; др.-слав. – древнеславянский; др.-швед. – древнешведский; и.-е. – индоевропейский; макед. – македонский; н.-луж. – нижнелужицкий; нем. – немецкий; польск. – польский; праиндоевроп. – праиндоевропейский; праслав. – праславянский; рус. – русский; с.-хорв. – сербохорватский; сканд. – скандинавский; словен. – словенский; ср.-в.-н. – средневерхненемецкий; ср.-н.-н. – средненижненемецкий; ср.-нидерл. – средненидерландский; ст.-польск. – старопольский; укр. – украинский; чеш. – чешский; швед. – шведский.
Диал. – диалектное, ж. р. – женский род, сущ. – существительное, ср. р. – средний род.

Материалы исследования | Research materials

1. Ананьева Н. Б., Боркин Л. Я., Даревский И. С. и др. Пятиязычный словарь названий животных. Амфибии и рептилии. Латинский – русский – английский – немецкий – французский. М.: Рус. яз., 1988.
2. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь: в 13 вып. / РАН, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова, Ин-т филологии Сибирского отд-ния РАН. М. – СПб.: Рукоп. памятники Древней Руси; Знак; Нестор-История, 2007. Вып. 6.
3. Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др. М.: Советская энциклопедия, 1969. Т. 1.
4. Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: свыше 12000 слов. М.: Русский язык, 1994.
5. СлДРЯ XI-XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Русский язык; Азбуковник, 1989. Т. 2.
6. СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв.: вып. 1-31 / АН СССР, Ин-т рус. яз. М. – СПб.: Наука; Азбуковник; Нестор-История, 1975. Вып. 2.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. (с доп.) О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964. Т. 1.
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1.
9. Этимологический словарь русского языка: в 11 вып. / под ред. Н. М. Шанского, А. Ф. Журавлева. М.: Издательство Московского государственного университета (МГУ), 1965. Вып. 2.
10. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen: in 3 Bdn. / W. Pfeifer, G. Ginschel, G. Hagen u. a. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Bd. 1.
11. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / 25. Aufl., bearb. von E. Seebold. Berlin – Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2011.
12. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden – Boston: Brill, 2013.
13. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. 2. vyd. Praha: Československé akademie věd, 1968.
14. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: in 2 Bdn. Bern – München: A. Francke Verlag, 1959-1969.
15. Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2009.
16. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch: in 2 Bd. / 3. Aufl. v. J. B. Hofmann. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1938. Bd. 1

Источники | References

1. Брунова Е. Г., Каранкевич В. В. Метафорический образ спортсмена в контексте зооморфной метафоры (на материале немецкого медиадискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-2 (68).
2. Ефимова О. С. Ложные диминутивы в немецком языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2006. № 1.
3. Иванченко Т. А. Компаративные фразеологизмы немецкого языка с компонентом-зоонимом (семантический и лингвокультурный аспекты) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20230292>
4. Кулешов В. С. О Новгородском денежном счете XI века, или краткая редакция Правды Русской как позднесредневековый фальсификат (в свете гипотезы А. П. Толочко) // Novogardia. 2020. № 1 (5).
5. Соколова Л. В. Стиль «ornatus difficilis» в «Слове о полку Игореве» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 1.
6. Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд-е 4-е, доп. Л.: Аврора, 1970.
7. Тележко Г. М. О семантике индоевропейского названия медведя // Universum: филология и искусствоведение. 2017. № 6 (40).
8. Цыбденова Б. Ж. Формирование и развитие лексико-семантической группы «деньги» (денежные наименования) в русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83).
9. Lindow J. Norse Mythology: A Guide to the Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs. N. Y.: Oxford University Press, 2002.
10. Musayeva G. N. Chet (nemis) tili darsida talabalarga mentalitetga oid soʻzlarni oʻrgatishning ahamiyati // European Journal of Academic research. 2024. № 7S.

Информация об авторах | Author information

RU

Шешкина Татьяна Фоминична¹, к. филол. н.
Тягунова Жанна Анатольевна², к. филол. н., доц.

^{1, 2} Ставропольский государственный педагогический институт (филиал) в г. Ессентуки

EN

Tatyana Fominichna Sheshkina¹, PhD
Zhanna Anatolyevna Tyagunova², PhD

^{1, 2} Stavropol State Pedagogical Institute (Branch) in Yessentuki

¹ sheshkinatiana@mail.ru, ² jtyagunova@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.02.2026; опубликовано online (published online): 23.03.2026.

Ключевые слова (keywords): лексические параллели; индоевропейский архетип; радикас; семантическая трансформация; зоонимическая номинация; lexical parallels; Indo-European archetype; radix; semantic transformation; zoonymic nomination.